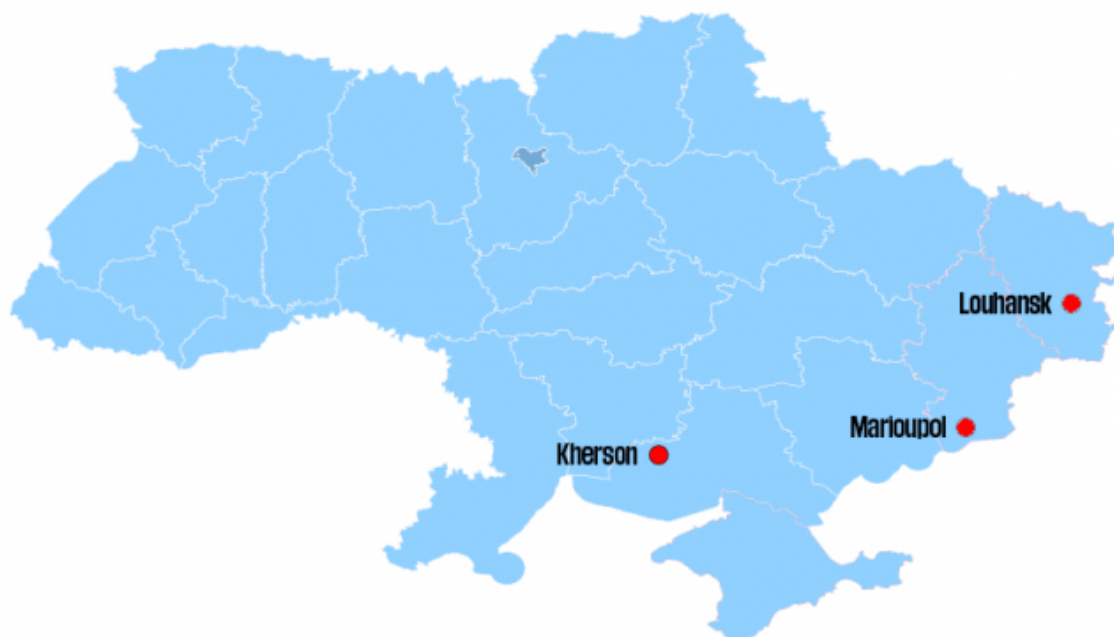

23 августа 2022 г.

ВОЙНА В УКРАИНЕ

В оккупированных украинских регионах: «русские предлагают нам на выбор коллаборационизм, тюрьму или смерть»

Их преследуют, им угрожают, их заставляют транслировать кремлевскую пропаганду... Спустя шесть месяцев после начала российского вторжения в Украину «Репортеры без границ» (RSF) публикуют три эксклюзивных свидетельства журналистов с юга и востока страны, которые рассказывают о своей работе в условиях оккупации.

24 февраля 2022 года президент России Владимир Путин приказал начать беспрецедентное наступление, целью которого стал захват Украины. Шесть месяцев спустя, пятая часть страны остаётся под оккупацией, а украинские города по-прежнему подвергаются обстрелам. На передней линии журналисты. «Тех из них, которые остаются на оккупированных территориях, систематически преследуют российские войска, стремящиеся распространять свою пропаганду и уничтожать профессионалов, способных противостоять официальному дискурсу Кремля, – говорит руководитель отдела Восточной Европы и Центральной Азии RSF Жанна Кавелье, – они насильно и жестоко пытаются воспроизвести в этих регионах пузырь дезинформации, созданный ими в России. RSF документирует эти случаи, чтобы российские власти ответили за свои военные преступления против журналистов.

«Вы обязаны размещать три «статьи» в день, созданные информационным агентством ЛНР (Луганской народной «республики», – прим. ред.)». На условиях анонимности 37-летняя журналистка из Луганской области, которую мы условно называем **Еленой**, рассказала, как ее арестовали, а затем заставили сотрудничать с российскими оккупантами. «Нам приходилось транслировать эту пропаганду, которая хвалится «успехами» оккупантов, например, открытие какой-нибудь административной службы. Военный подтверждал наш выбор через общий чат в Telegram».

44-летний **Владислав Гладкий** рассказал RSF о пяти месяцах своей подпольной работы в оккупированном Херсоне – городе с населением 300 тысяч человек на юге Украины, где он жил со своей женой **Евгенией Вирлич**, редактором местного СМИ. «С самого начала агрессии они начали искать журналистов – а также активистов или выборных должностных лиц, иными словами, всех тех, кто мог помешать пропагандистским усилиям российского государства. Наши имена, наши лица относительно хорошо известны в Херсоне, мы боялись, что на нас донесут. Находясь на грани срыва, вынужденный постоянно менять жилье, чтобы продолжать свою информационную работу, единственным возможным ответом на которую был «в лучшем случае выстрел из автомата Калашникова, в худшем – пытки», он покинул Херсон в начале июля.

«Братские могилы во дворах зданий, соседи, хоронящие своих соседей, разрушения, грабежи... Несмотря на ежеминутный риск быть убитой, на протяжении трех недель я наблюдала, фотографировала, снимала видео, передвигаясь перебежками под обстрелом, и все это время рядом со мной был мой шестилетний сын на самокате», –

делится своим опытом работы в Мариуполе 42-летняя **Юлия Гаркуша**, которая несмотря на охоту за ней и отсутствие связи стремилась любой ценой задокументировать преступления российской армии и ужасы повседневной жизни в осажденном городе. Благодаря её блестящей карьере и профессиональным связям она была желанной мишенью для русских оккупантов.

RSF публикуют эти три эксклюзивных свидетельства, которые показывают ход информационной войны, идущей на оккупированных территориях.

Елена, журналист из Луганской области: «Мне предложили три варианта: тюрьма, «депортация» или сотрудничество»

«В пять утра 24 февраля я проснулась от взрыва... Это была русская ракета. Ни я, ни трое моих коллег не пошли в редакцию. Подготовленный накануне и отпечатанный ночью в Харькове последний номер газеты так и не был распространен.

Но в последующие дни мы продолжали работать из дома. Наши партнеры, находившиеся в зоне, свободной от русских, взяли под контроль сайт нашего СМИ. Мы же стали публиковать на наших страницах в Facebook и Telegram ежедневную информацию о ситуации на фронте, о выступлениях против оккупантов или о магазинах, которые остались открытыми.

В начале марта русская армия заняла город. Мобильная связь была отключена, украинское телевидение заменено российскими каналами, транслирующими пропаганду. У нас оставался только стационарный доступ в Интернет. В таком маленьком городке, как наш, если ты журналист, тебя знают все. Работать, как раньше было невозможно. Невозможно не поддаться самоцензуре. Я начала избегать всего, что могло быть расценено как антироссийское. Мне было очень страшно, я почти не выходила из дома.

«Следуйте за нами, нам нужно с вами побеседовать. Ваша работа, вы понимаете...»: Первого апреля мужчина в военной форме – я не могла определить, кто именно, потому что там было очень много разных российских военных – остановил меня, когда я выходила из дома. Трое или четверо других зашли в мой дом. Мне приказали отдать им мой ноутбук и телефон. Они позволили мне отправить сообщение маме в мессенджере Viber, чтобы ее предупредить. Я была в таком состоянии, что даже не помню, что я ей написала.

Я села в их машину, которая была без номерных знаков, и меня обязали завязать глаза хирургической маской. Когда оказалась в здании – позже я узнала, что это был штаб сотрудников «МГБ» (Министерство государственной безопасности Луганской Народной «Республики», – прим. ред.) – меня заставили ждать сидя на стуле лицом к стене. Затем на микроавтобусе меня отвезли в Луганск. Несмотря на маску, боковым зрением я видела шарф моей коллеги, сидевшей рядом. Я оцепенела, а в голове было пусто.

В комнате ожидания перед допросом надзиратель ненадолго отлучился. Все еще с повязкой на глазах, я успела сказать моей коллеге, что следует отказаться от сотрудничества. Затем в течение шести с половиной часов они допрашивали меня одну о моей жизни и работе. Безобидные детали! Место моего рождения, место учебы, моя зарплата... Одни и те же вопросы повторялись без остановки. Их было четверо: один «добрый», двое других, которые постоянно врываются в комнату с агрессивными вопросами, и, наконец, мужчина, который был весьма пьян и говорил бессвязно. Я не знаю, как мне удалось сохранять спокойствие. Было жарко, но они не разрешали мне снять пальто. Воды тоже не давали.

Как в тюрьме, мне приказали снять все ценные вещи и отвели в медпункт, где я должна была ответить на вопросы медсестры. Она померила мне давление, а затем дала мне лекарство против него. В другой комнате у меня сняли отпечатки пальцев и сфотографировали, словно я преступница. Я оказалась в одной камере с моим коллегой и редактором, которую арестовали за несколько дней до нас.

Оккупанты предложили нам на выбор три варианта: тюрьму, «депортацию» или сотрудничество. Все мы должны были дать ответ на следующее утро. Для меня «депортация» (термин, используемый оккупационными силами, – прим. редактора) – это был не вариант, потому что я не знала, что это значит, где нас выпустят. Нас вполне могли отпустить на одном контрольно-пропускном пункте, чтобы арестовать на следующем. И у редактора был только «выбор» между сотрудничеством с одной стороны и пожизненным заключением или смертной казнью с другой. С замиранием в животе мы «согласились» на сотрудничество.

Как только меня условно освободили, я тут же написала партнерам, которые вели наш сайт, чтобы они предупредили другие СМИ в этом районе, так как они, вероятно, были следующие в списке. И тут же удалила это сообщение. На улице солдаты могли отнять наши телефоны, чтобы проверить их.

Неделю или две спустя трое мужчин в форме, один из которых был в балаклаве, пришли в офис, чтобы сфотографировать наше оборудование, порыться в наших компьютерах и убедиться, что мы размещаем их «информацию» на страницах наших СМИ в Facebook и Telegram. Это был настоящий спецназ по запугиванию. Мы должны были размещать три «статьи» в день от информационного агентства ЛНР. Наша работа свелась к распространению пропаганды, в которой отмечались «успехи» оккупантов, например открытие какой-нибудь административной службы. Военный подтверждал наш выбор через общий чат Telegram. Я разрывалась: как мне принять это? Мы жили в страхе, что сделаем неверный шаг и нас арестуют. Давление было невыносимым. Я знала, что мы должны бежать, но как? Человек, который меня допрашивал в Луганске, дал понять, что существует некий список людей, которым запрещено покидать оккупированную зону.

Когда мне написал бывший коллега, работавший в пресс-службе российских оккупационных войск, я догадался, что он предлагает мне работу и отказалась. Через пять дней в мой район явился человек в форме, который искал меня и расспрашивал обо мне мою соседку. Я не могла там больше оставаться – как ради моей безопасности, так и потому что я должна была сохранить наше СМИ. Наши партнеры всегда поддерживали меня и умоляли уехать. Вскоре после этого я бежала с «перевозчиком» (лица, желающие эвакуироваться, могут нанять транспортную службу, что дорого и рискованно из-за досмотра на российских контрольно-пропускных пунктах, – прим. ред.). С тех пор я работаю редактором в другом украинском СМИ».

Владислав Гладкий, журналист из Херсона: «У меня был соблазн бросить все: всю эту работу, за которую в лучшем случае получил бы выстрел из автомата Калашникова, в худшем – подвергся бы пыткам».

«Когда 24 февраля начались бои под Херсоном, у меня возникло неудержимое желание поехать туда, чтобы вести прямой эфир на Facebook и свидетельствовать о вторжении. Но добраться туда было невозможно, потому что больше не было общественного транспорта, такси отказывались ехать в этом направлении, банкоматы не работали, а стационарный телефон отключен. Мобильная сеть по-прежнему

работала, а государственные службы прекратили работу. Я стал свидетелем эвакуации областной прокуратуры 24 февраля.

28 числа город был окружен, а затем – оккупирован. Второго марта рядом с нашим домом появилась военная база и я наблюдал за передвижениями бронетехники под моим окном. Атмосфера была мрачной, на фоне тающего снега, слякоти и грязи. В любой момент они могли по нам открыть огонь. Я завесил окна простынями, не включал свет и оставался незаметным. Но эти меры предосторожности оказались абсолютно бесполезны: через некоторое время в дверь постучали вооруженные люди. Моя жена, тоже журналист, только что пошла за продуктовой посылкой от друга. Она заметила мужчин и сразу же позвонила мне, сказав не открывать дверь. Они поднимались прямо к нам в квартиру – доказательство того, что именно мы были целью их визита. Я ждал двадцать долгих минут, не двигаясь, в тишине. В панике я полностью перезагрузил один из своих рабочих телефонов, чтобы стереть в нём всю информацию. После этого эпизода мы покинули это место. Но российские солдаты возвращались потом в общей сложности четыре раза, допрашивали соседей и пытались выяснить, где мы находимся.

С самого начала вторжения журналистов искали, равно как активистов и выборных должностных лиц, словом, всех, кто мог помешать пропагандистским усилиям российского государства. Наши имена, наши лица относительно хорошо известны в Херсоне, мы боялись, что на нас донесут. 27 февраля я закрыл доступ к нашим фотографиям и поменял профили на Facebook. Я заменил фотографию профиля на фотографию бронзовых гномов, сделанную в польском городе Вроцлав. Все подумали, что мы уехали туда.

Это прикрытие позволило нам продолжать активную работу, почти что в безопасности: моей жене с ее редакцией и мне с моими сетевыми СМИ. Я черпал информацию из социальных сетей, перепроверял ее, общаясь с источниками и обобщал полученный результат в моих Telegram-каналах. Зачистка информационного пространства русскими, включая закрытие радио и телевидения, анализ пропаганды, профили «коллораборационистов» оккупационных сил, похищения активистов после демонстраций, в том числе испанского гуманитария Мариано Гарсия Калатаюда и активистки Ирины Горобцовой, которую до сих пор держат в плену русские... Моя цель, помимо информирования общественности – привлечь внимание украинского правительства к сложной ситуации в Херсоне.

Самое сложное – когда прерывается связь. Сначала с 30 апреля по четвертое мая, затем снова 30 мая. Без Интернета, без телефона у нас не оставалось иного выбора, кроме как слушать русское радио. Мой Telegram-канал молчал несколько дней и я боялся, что это заметят, что люди поймут, что я остался в Херсоне, и это поставит под угрозу наше прикрытие. А когда после второго отключения снова появилось подключение к Интернету, это была уже [российская сеть](#), где большинство украинских сайтов, Facebook и Instagram подвергаются цензуре, а за пользователями ведётся наблюдение. Чтобы продолжить работу, я брал на себя риск и пользовался ею, но через VPN (виртуальную частную сеть, которая шифрует соединение, – прим. ред.)

Поддерживать нашу «легенду» становилось всё труднее и труднее. Знакомые начали интересоваться, почему мы не встречаемся с общими друзьями в Польше, почему не

выкладываем никаких фотографий, кроме бронзовых гномов, а некоторых по нашему поводу допрашивали. Однажды, в одном из многочисленных мест, где нам приходилось прятаться, моя жена услышала через окно, как кто-то расспрашивает соседей, не видели ли они её. К счастью, мы приехали очень рано утром, ни с кем не сталкивались и занавесили окна. Чтобы мы не выходили из дома, нам приносили еду. Улицы же теперь пустыни.

Эта постоянная погоня изматывает. Временами у меня возникало искушение сдаться, забиться в угол и расплакаться. Мне казалось, что я делаю недостаточно и что моя

работа бессмысленна. Единственный ответ, который я могу ожидать, это в лучшем случае выстрел со стороны русских из автомата Калашникова, в худшем – пытки. Но чтобы продолжать, я должен был продолжать писать.

В начале июля новая оккупационная полиция начала звонить во все двери здания, где мы прятались. Через глазок я увидел мужчину с автоматом, в черной футболке, зеленых брюках, без других опознавательных знаков. Он попытался открыть запертую дверь, потянув ее на себя. Я так боялся, что держался за ручку изнутри. В этот момент я понял, что психологически больше не выдержу. Вскоре после этого мы уехали, пройдя порядка 40 контрольно-пропускных пунктов. Я оделся просто, надел очки с кепкой и сбрил бороду. Сидевшая у меня на коленях кошка отвлекала внимание солдат от моего испуганного лица. Нам повезло».

Мариупольская журналистка Юлия: «Я была вынуждена все уничтожить, когда я покинула город, но эти репортажи останутся в моей памяти»

«На пятый день войны в Мариуполе вдруг сразу исчезло всё: вода, газ, связь. Мы оказались полностью изолированы. Ни у кого не было никакой информации и это было самым тяжелым. Невозможно было понять, что происходит в стране, что нам надо делать, можно ли покинуть город.

Пятого марта друг подарил мне карманный радиоприемник, который ловил украинское радио. Я становилась к окну в полдень и в шесть часов вечера, чтобы послушать выпуски новостей, а потом пересказывала их тем соседям, которые это хотели. Однажды я узнала, что в одном из волонтерских центров каким-то чудом работает телевидение. Два часа я шла через весь город, рискуя жизнью, под обстрелом, только чтобы посмотреть новости.

В течение семи лет я работал в новостной телепрограмме. Мне казалось, что я уже повидала все: аварии, пожары, даже мозги, размазанные по асфальту... Я думала, что этот профессиональный цинизм, этот панцирь поможет мне перенести ужасы войны. Но невозможно было подготовиться к тому, что русские сделали с нами. Братские могилы во дворах, соседи, хоронящие своих соседей, разрушения, грабежи. Несмотря на ежеминутный риск быть убитой, в течение трех недель я наблюдала, фотографировала и снимала видео, передвигаясь перебежками под обстрелом, и все это время рядом со мной был мой шестилетний сын на самокате. Обстоятельства не позволяли мне оставить его одного. Я была убеждена, что необходимо задокументировать эти преступления. И это стало для меня психологической разрядкой. Когда я покидала город, чтобы уехать, мне пришлось уничтожить все – но эти репортажи останутся в моей памяти.

Я была привилегированной мишенью для российской армии. Благодаря своей работе я знаю многих местных солдат, мои статьи легко найти в Интернете, а также я работала фиксером для иностранных журналистов, которых я возила в порт и показывала позиции наших войск до начала осады. Русские могли выудить из меня много чувствительной информации и отправить меня в тюрьму, чтобы поднять вокруг меня шумиху. Я жила в тупике, там всего двадцать домов: меня легко было распознать, все соседи знали, что я журналистка.

Мне удалось покинуть осажденный Мариуполь 19 марта, когда в нем шли бои. Как только я получила доступ к мобильной связи в одном оккупированном селе, где мы укрывались, я стала выходить в прямой эфир на «Радіо Свобода» (украинский филиал американского СМИ «Радио Свободная Европа/Радио Свобода», – прим. ред.), чтобы сообщить о ситуации в оккупированном Приазовье. Но позже связь прервалась и там.

Я отправляла новости и видео своим коллегам в приоритетном порядке, но у меня не было времени сообщить мой адрес. Я оказалась заблокированной на оккупированной территории еще на месяц.

Вскоре после этого в наш дом явились пять вооруженных полицейских ДНР («Донецкая Народная Республика», – прим. ред.). Они составили список всех присутствующих. Я заявила, что я домохозяйка и притворяюсь, что у меня сломался мобильный телефон. Позже, в отчаянии, мне пришлось смириться с тем, что придется стоять в очереди на местном рынке, чтобы позвонить: некоторые российские солдаты (единственные, у кого была российская сим-карта и, следовательно, мобильная связь, – прим. редактора) одалживали свои мобильные телефоны и позволяли жителям деревни звонить своим родственникам в Украину. Я связалась с перевозчиком, который сказал мне стереть с моих устройств, телефонов и других, всю информацию, которая может привлечь внимание российских солдат на контрольно-пропускных пунктах, и ждать, когда он приедет и заберет меня.

Через несколько дней мы пересекли двадцать российских блокпостов. Было страшно. Я мысленно приготовилась делать вид, что мне нужно эвакуировать сына для оказания медицинской помощи. В этот период российские солдаты не обыскивали женщин, но моей подруге, которая работает в международной гуманитарной НПО, пришлось раздеться. Чтобы проехать, мне пришлось оставить все свое профессиональное оборудование. Но их внимание привлекла моя сумка ноутбука. Увидев внутри только

детское белье, нас отпустили. Не всем так повезло. Русские солдаты арестовывают тех, кто им не нравится. На последнем контрольно-пропускном пункте я видела, как из автобуса вывели молодого человека. Он был один, стоя в траншее с чемоданом, изможденный. Автобус уехал. Он остался».

Методология

RSF собрал эти свидетельства по телефону в начале августа 2022 года от журналистов, переживших оккупацию в трех разных регионах, перепроверив их информацию у своих партнеров и у других местных источников. Некоторые из них выступают публично впервые, другие уже общались с украинскими СМИ.

По соображениям безопасности, хотя они и вернулись в свободную зону, некоторые подробности не разглашаются. Чтобы не подвергать опасности оставшихся родственников, одно из свидетельств приводится анонимно.

Украина занимает 106 место из 180 во [всемирном индексе свободы прессы](#) RSF за 2022 год.